

Невидимый круг

Автор:

Поль Альтер

Невидимый круг

Поль Альтер

Чай, кофе и убийства

Семь человек получили крайне таинственные письма. Джерри Пирсон, хозяин полуразрушенного замка, находящегося на одном из островов Корнуолла, приглашает их на «особенный» прием, где за каждым из гостей закреплена определенная роль – роль персонажа из легенд о короле Артуре. Поначалу происходящее кажется нелепой шуткой, но вскоре мистер Пирсон заявляет, что пригласил всех присутствующих в свидетели своего собственного убийства. Именно это заявление становится отправной точкой – «представление» начинается. В ближайшие несколько дней этим людям жизненно необходимо разобраться в происходящем, разгадать множество тайн и выбраться с острова, окруженного лишь суровыми скалами и бушующим морем.

Поль Альтер

Невидимый круг

Глава 1

Подданные его величества всегда хранили память о короле Артуре: кто больше, кто меньше, а иные – больше других, как мы увидим в этой повести.

Не были исключением и Мэйдж Пирсон с Биллом Пейджем. В апреле 1936 года под вечер они беседовали вполголоса в недорогом чайном салоне около Оксфорд-серкус. Их мысли занимал великий король, а с губ Мэйдж то и дело срывались названия «Тинтагель», «Корнуолл»... Но о чем же они беседовали? Вид у обоих был серьезный и озабоченный – нечасто такой бывает у молодой пары.

Правда, и в зрелище, открывавшемся перед ними за стеклянной дверью, возле которой они сидели, было нечто грандиозное и тревожное. Я имею в виду, конечно, необычное, завораживающее зрелище вечернего Лондона, когда на небе с грозными тучами у самого иссиня-черного горизонта горит красный диск заходящего солнца. На фоне последней оранжевой полосы вырисовывалась длинная линия – лес закопченных труб и острия готических церковных шпилей. Так что не приходилось напрягать воображение, чтобы мысленно перенестись в Средние века – во времена зубчатых стен и мрачных, сырых башен. Отовсюду исходило глухое, таинственное чувство угрозы. Казалось, оно поселилось и в умах нашей пары.

Мэйдж исполнилось двадцать два года. Она казалась очень решительной девицей, хотя на самом деле была не слишком уверена в себе и даже немного пуглива. Большие голубые глаза, фарфоровая кожа и пышная каштановая шевелюра выдавали впечатлительную, простодушную натуру. Биллу Пейджу, как полагала она (спросить еще стеснялась – они всего с месяц как познакомились), было около тридцати, и Мэйдж считала, что ему лучше было бы одеваться не так строго и носить очки не в такой толстой оправе. Прямой пробор, разделявший черные волосы, ей тоже не слишком нравился. Билл казался человеком, который изо всех сил старается выглядеть взрослым. По правде говоря, когда Мэйдж увидела его в первый раз, ее не то чтобы, как говорится, словно током ударило, но она нашла Билла симпатичным и сразу почувствовала, что с ним будет в безопасности. А это было для нее очень важно, особенно сегодня, когда девушка получила письмо от дяди Джерри.

– Я боюсь его, Билл, – шептала она, умоляюще глядя на молодого человека. – Всегда его боялась – но ехать, наверное, надо, иначе нельзя...

Билл задумчиво постукивал по столу пальцами возле чашки с чаем.

– Ты мне о нем ничего не рассказывала. Боишься? Но почему?

– Вообще-то, – неохотно начала Мэйдж, – я его почти не видела. На самом деле он мне не дядя, потому что и отец мне не отец, и они по-настоящему не братья, и... – Она глубоко вздохнула. – Наверное, лучше начать с начала.

– Да, пожалуй, – с улыбкой заметил молодой человек.

– Мне еще не было и двух лет, когда меня забрали из приюта, поэтому с детства я помню приемных родителей, мистера и миссис Пирсон. Я их считала родными. Как ты знаешь, теперь они тоже умерли... Маму я потеряла, когда мне исполнилось десять лет. У нее были больные легкие и оттого все время сильная слабость. Вот поэтому отец, чтобы она не напрягалась, два года подряд, до маминой смерти отправлял меня на летние каникулы к дяде Джерри. Ой, какие каникулы для десятилетней девочки! Наверное, мне никогда не суждено их забыть...

Дядя Джерри – не родной, а единокровный папин брат. Они сыновья Арчибальда Пирсона. Мой папа Колин от первого брака, а потом дед женился на Рут – очень красивой женщине, но немного помутившейся рассудком, а у нее от первого брака тоже был сын, Горацио...

– Как же все сложно, – заметил Билл, почесывая подбородок.

– Да, но скоро уже конец. И у них тогда родился второй ребенок, дядя Джерри. Оба брата...

– Оба? Кто именно? Я так понял, их было трое, считая Горацио – старшего сына второй жены твоего дедушки...

– Ну да... Только он с ними, кажется, жил недолго. У него психика была не в порядке, и его отправили в лечебницу. Так вот, эти двое каникул, которые на меня так повлияли... Я видела дядю Джерри второй или третий раз в жизни, совсем его еще не знала. Он живет один – не женат – в маленьком замке в Корнуолле, на берегу моря, рядом с деревушкой неподалеку от Тинтагеля. Ну и местечко! – Мэйдж вздрогнула. – Нужно видеть, чтобы понять. Дом стоит на скале – крохотный такой полуостров. Свищет ветер, бушует прибой... Дом

высоко над морем, а море почти всегда свиперствует. Беспрерывно хриплые крики чаек. Мне тогда было, еще раз тебе напомню, восемь лет, совсем маленькая девочка, которая раньше никогда из дома не уезжала. Я еще и не видела дядю Джерри, а мне уже было страшновато. Правда, когда увидела, то не испугалась, он даже показался довольно приветливым, только смотрел на меня, как будто я какое-то редкое насекомое... Первые ночи я глаз не смыкала. Никак не могла уснуть: ветер пронзительно завывал, чайки кричали... Однажды вечером в кровати я почувствовала, как у меня по ногам что-то ползет. Я завопила, вскочила, зажгла свет... По простыням разгуливал огромный паук! Вошел дядя Джерри, я показала ему на это страшилище, а он... а он...

– Что?

– А он ничего не сделал. Вообще-то, он меня утешал, но мне казалось, ему смешно от того, как я перепугалась. Мне даже в голову не приходило, будто он эту жуткую тварь посадил ко мне нарочно, и все-таки дядюшка показался мне очень странным. Однажды вечером он под каким-то предлогом оставил меня в замке одну. Ужасная ночь! Мало того, что ветер так выл, что окна и двери все время хлопали – я вдруг слышала шаги наверху... Куда бы я ни шла, они всегда звучали прямо надо мной. А нигде никого не было. Когда он вернулся и я ему рассказала, он повел себя так же, как в случае с пауком. Как будто он тешился моим страхом, хотя и успокаивал меня, говорил, что мне просто почудилось...

Мэйдж замолчала, глотнула чаю. Голубые глаза от воспоминаний о тех страшных днях казались еще больше.

– Это все было в первый год – эти и еще несколько случаев. Я бы сказала, еще терпимых. И наверное, я бы и забыла про то лето, если бы на другой год туда не вернулась. Вот тут я думала, что действительно умру от страха. Каждую ночь все время какие-то странные звуки, а однажды мы гуляли с ним по дюнам – и вдруг я осталась одна в этом пустынном месте, а уже совсем стемнело... Я целый час рыдала от отчаяния и только потом его увидела. Он бросился ко мне и принялся ругать: «А я тебя везде искал, говорил же, чтобы ты никуда не отходила!» Но самое главное было после...

Недалеко от деревни, немного в стороне, есть старая деревянная лачужка. Она без окон, только дверь на засове снаружи: хлопнешь дверь, он упадет и закроется. Я там играла, нечаянно хлопнула и оказалась взаперти. Никак не выйти! Дело было к вечеру, вот как теперь, и вокруг никого. Я и кричала, и

рыдала – все напрасно, никто меня не слышал. А ночью, когда стало совсем темно, я вдруг услышала, как вокруг бродят и воют волки... Всю ночь меня донимал страшный зверь. Яростно скребся в дверь когтями, совал морду во все щели и сопел, рычал, а я думала, какие у него должны быть огромные зубы... Я, наверное, никогда не забуду эту ужасную ночь.

Мэйдж вздрогнула, на несколько секунд прикрыла глаза и продолжала:

– Оказалось, это меня почуяла собака-овчарка – славная, очень ласковая. На рассвете она разбудила хозяина и привела его ко мне. Вскоре я увидела дядю – разумеется, он всю ночь меня искал. «Что ты наделала! А я вообразил, как ты упала со скалы, все кости переломала... или утонула... Представляешь, какая ночка выдалась у меня из-за тебя! Только и делал, что бегал с фонарем по берегу». Потом выслушал меня и стал утешать, как раньше... Но опять у него была эта странная улыбка. Я уверена: он только и делал, что поджидал момент, когда я нечаянно запрусь в лачужке, нарочно спустил собаку (он знал ее повадки) и всю ночь наслаждался моим ужасом.

Они помолчали. Билл прервал паузу.

– Даже не знаю, что и думать... – сказал он, нахмурившись. – Одно из двух: или твой дядюшка жуткий извращенец, или...

– Или я ошиблась? – закончила Мэйдж, недоверчиво скривив губы. – Вообще-то, может быть и так. Прошло немало лет, я была пугливая девочка и, возможно, сама себе что-то навывдумывала. Я и вправду ничего не знаю – слишком мала была, чтобы что-нибудь понимать. Уверена только в том, что тогда я умирала от страха.

– А что твои родители? Ты ведь им, я полагаю, все рассказала?

– Ну да... Но мама тогда была очень больна. Я рассказала отцу, но он оказался не в состоянии ничего слушать – так боялся за мамино здоровье. А когда она умерла, стало не до воспоминаний. Потом меня отдали в пансион: отец поехал в Африку с одним компаньоном добывать драгоценные камни, а меня с собой не взял. Прошло много месяцев, я никаких вестей о нем не получала. Компаньон тоже потерял его из виду и дал мне ясно понять, что особенно надеяться не стоит. Тем более что места там очень опасные. С тех пор прошло уже больше

десяти лет.

Билл с серьезным видом кивнул и спросил:

– А какой он, этот дядя Джерри? Как выглядит?

Мэйдж рассмеялась:

– Ой, Билл, если бы ты себя видел! Тебе очень хочется удавить его, правда? Нет, не думай, это не рогатое чудище, изрыгающее огонь. Совершенно обыкновенный на вид человек, теперь ему должно быть лет сорок пять. Правда, у меня о нем воспоминания остались жутковатые, но это все из-за тех моих приключений. У него только одна особенность – по крайней мере то, что я заметила девочкой: очень странная улыбка.

– И с тех пор ты его не видела?

– Только на маминых похоронах. Потом, когда пропал отец, он мне написал раз или два, и все. Понимаю, что ты хочешь спросить. Нет, он не предлагал мне поселиться у него. И я бы все равно не согласилась.

Билл по-прежнему хмурился.

– Ты еще говорила о другом сводном брате, Горацио, которого поместили в специальное заведение. А что с ним, собственно, такое?

– Какое-то душевное расстройство, что именно – не знаю, но, должно быть, что-то довольно тяжелое. Толком мне никогда об этом не говорили.

– Если я правильно понял, у его матери с этим тоже было не все в порядке?

– У нее иногда случались депрессии. Она, бывало, уходила из дому, бродила по лесу – случалось, несколько дней подряд. Я понимаю, о чем ты думаешь: наследственное безумие, передалось сперва старшему сыну, Горацио, потом младшему – Джерри... – Мэйдж ненадолго замолчала, потом продолжила: – На самом деле дядя Джерри никогда на меня не производил впечатления помешанного. В худшем случае это очень злой человек. Не думаю, что папа

доверил бы меня ему, если бы у него было психическое расстройство.

– Тогда, может, и не было, но есть болезни, которые проявляются только спустя много лет. И то, что ты мне сейчас про него рассказала...

– Перестань, Билл! Ты меня еще больше перепугаешь!

– Письмо от него у тебя с собой?

Мэйдж раскрыла сумочку, достала конверт и молча положила перед своим спутником. Билл прочел слова, написанные аккуратным ровным почерком:

«Тинкастл, 17 апреля 1936.

Дорогая Мэйдж,

мы не виделись уже целую вечность. Должно быть, лет пятнадцать. Думаю, ты очень изменилась с тех пор, как гостила у меня (помнишь тот приезд?). С тобой происходило много несчастий, которые, я уверен, остались среди незабываемых детских впечатлений. Надеюсь, у нас будет возможность поговорить среди прочего и об этом, если ты согласишься провести здесь несколько дней. Сделай все возможное, чтобы приехать сюда на этот уикенд: состоится чрезвычайно важная встреча. В замок съедутся человек семь-восемь, и твое присутствие необходимо. О чем пойдет разговор? Увы, не могу тебе об этом здесь рассказать, но ты понимаешь: я бы так не настаивал, если бы твой приезд не был делом первостепенной важности. Знай только, что это совершенно необыкновенное событие – из таких, которые не забываются. Если не сможешь приехать, немедленно дай мне знать, но я очень на тебя рассчитываю, малышка Мэйдж, в пятницу ты непременно должна быть с нами в замке – лучше всего ближе к вечеру.

Всегда твой любящий дядя».

– Ну, что скажешь? – спросила Мэйдж, когда Билл вернул ей письмо. – Я не знаю, что и думать. С одной стороны, видеть его мне совсем не хочется, но, с другой стороны, это мой единственный оставшийся родственник и... Так как ты

считаешь?

Билл на какое-то время задумался.

– Не вижу ничего подозрительного... Только скажи: у тебя есть какие-то идеи насчет предмета этой встречи?

– Ни малейших. Это не может быть семейный совет: ведь мы с дядей, так сказать, последние с корабля.

– «Совершенно необыкновенное событие»... – задумчиво повторил Билл. – Это может означать что угодно... Например, свадьба.

– Из этого обычно такой тайны не делают.

– Больше ничего странного не вижу, но... – Билл подвинулся ближе к Мэйдж и взял ее за руку. – Но я не хочу отпускать тебя одну.

Девушка от удивления широко распахнула глаза:

– О, Билл! Ты поедешь со мной?

– Нет-нет, одну я тебя точно не отпущу! После того что ты рассказала, иначе я поступить не могу. Так что если ты согласна...

Мэйдж просияла, хотя осталась все так же бледна:

– Билл, как здорово! Если бы ты знал, как я рада! Это будет наша первая большая поездка вдвоем. А знаешь, без тебя я бы все равно отказалась.

– Одну я тебя не пущу, – мужественно повторил Билл еще раз и поправил очки.

Чистокровный корнуоллец Гэйл Блейк был безгранично предан родному краю. Он писал стихи и любил покой этих диких мест, просторные возвышенные равнины, покрытые вереском и обрывавшиеся в море крутыми утесами, грандиозные живописные скалы, бесчисленные бухточки с золотистым песком. Любил эти глубоко изрезанные берега, вылизанные морем, зрелище волн, разбивающихся о скалы, хриплые жалобы чаек, свежий ветер, несущий соленые ароматы... Любил Корнуолл. Одинок бродя по дюнам, по прибрежным дорогам, он мечтал, с неизменным интересом вглядываясь в окрестности. Блейк был холост и мог сколько угодно предаваться своей страсти.

Впрочем, это была не просто страсть. В каком-то смысле наблюдение за природой, поиск подходящей атмосферы для него как для поэта являлись работой. Собственно говоря, выручки от сочинений ему едва хватало, чтобы прокормиться, но он довольствовался малым, а жил в небольшом домике из гранита у моря на северной стороне полуострова. Роста он был внушительного, с могучей фигурой, черной бородой по грудь – тоже внушительной, под стать владельцу. Ему было за пятьдесят, но силы не покидали его. Тот, кто видел Блейка впервые, мог бы скорее принять его за корсара, флибустьера или контрабандиста, нежели за поэта.

Жил он довольно уединенно, но тем не менее знакомых у него было много. Кельт по крови и в душе, он участвовал во всех кельтских собраниях и праздниках тех мест, а часто бывал на них и почетным гостем. Зато Блейк с трудом скрывал вражду ко всем, кого считал завоевателями и незваными гостями, то есть почти ко всем некоренным жителям. Часто это чувство окрашивалось юмором и насмешкой, потому что ему нравилось спорить, нравилось задирать пришельцев в своих любимых пабах. Но иногда – если действовал хмель или гость попадался обидчивый, не понимал его шуток, – от перебранки дело доходило до настоящей ругани, а то и до кулаков. Так как Блейк был человек сильный, драки почти никогда не заканчивались в пользу его оппонентов, и потом друзья рассуждали между собой: «Не думал я, что поэты такие... Я знал, что он мастер слова – а он и на кулаках мастер...»; «Александрийские стихи слагал и думает, что Македонским стал». На такие разговоры Гэйл не сердился. Он улыбался, и его светло-голубые глаза лукаво поблескивали.

В тот день он сидел, задумавшись, за кружкой пива в одном из своих любимых пристанищ – «Черном лебеде», почтенном пабе в Кэмелфорде. Вдруг появилась фигура – знакомая, но непривычная для этого места: профессор Джосая

Халлахан, преподаватель истории в одном из бристольских учебных заведений, известный своими трудами по кельтской и средневековой истории. Он был немного старше Блейка и гораздо более хрупкого сложения. Если бы не длинная, почти совсем седая борода, его круглое лицо с румяными щеками было бы совершенно детским – к тому же и благожелательная улыбка почти никогда с него не сходила.

Блейк и Халлахан встречались на уже упомянутых кельтских празднествах и сразу друг другу понравились. Заказали по паре пива – и начались долгие разговоры.

– Послушайте, Джосая! – говорил Блейк своим громовым голосом. – Кто, как не вы, специалист по артуровскому вопросу? То, что вы недавно писали о Граале и Круглом столе, многих, правда, удивило, но потом все согласились. А мне особенно понравилась ваша последняя лекция. В ваших аргументах было нечто такое... магическое – оппоненты прямо онемели.

– А вы знаете, как они меня теперь называют? Чародей Мерлин! Представьте себе – я Мерлин, ни более, ни менее.

– А правда, что-то есть, честное слово! – развеселился Блейк. – Мне, признаться, тоже всегда казалось, что у вас имеется какое-то сходство с Мерлином. Это ведь довольно лестно – разве нет?

Джосая Халлахан ответил не сразу. Погрузившись в свои мысли, он поглаживал тщательно расчесанную бороду и вдруг спросил:

– Знаете, что привело меня сюда? Я снял комнату до пятницы...

Блейк развел руками, тогда историк задал другой вопрос:

– А Джерри Пирсона вы знаете?

– Пирсона? Да, знаю немного. Кто его не знает! Он живет в доме на островке недалеко отсюда.

– Что вы о нем думаете?

Гэйл Блейк помрачнел, секунду подумал и ответил:

– Да мы как-то мало знакомы...

– Если бы спросили меня, я бы ответил то же самое. А между тем я здесь как раз из-за него. Он пригласил меня провести у него уикенд. Признаться, я очень заинтригован.

– В честь какого-то необычайного события?

– Кажется, да. Но беда в том, что он не объяснил ничего конкретно – написал только, что будет чрезвычайно важная встреча. И все.

– И вы согласились.

Халлахан невесело улыбнулся:

– Гэйл, вы же знаете, что я от природы болезненно любопытен. Меня всегда страстно влекли различные загадки, да и сам Джерри Пирсон тоже... Мы редко виделись, но всякий раз мне казалось, что он на своем островке около Тинтагеля воображает себя королем Артуром!

Фрэнк Данбар сидел в уголке купе для курящих и смотрел на унылый сомерсетский пейзаж за окном, такой же грустный, как и он сам. Когда уезжаешь из дома, бывает, тянет подвести итог своей жизни, дать ей общую оценку. Его оценка, думал он, не блестящая, и это еще мягко сказано. Сорок лет, не женат, пьет больше, чем нужно, а профессия журналиста сделала его разочарованным человеком, лишившимся последних иллюзий. В какой момент он вступил на эту наклонную плоскость? Ответ Фрэнк находил без колебаний: в тот, когда повстречал эту женщину – Урсулу Браун. Она его буквально околдовала. По зеленеющим дюнам, бесконечной чередой расстилавшимся перед ним, скользил ее призрачный силуэт.

Урсула... Тонкая, гибкая, с роскошными рыжими волосами. Взгляд ее глаз цвета морской волны – из тех, которые не забудешь: веселый, глубокий, манящий и опасно мятежный: глубокие воды волшебного озера, где тонут неосторожные

купальщики. И Фрэнк Данбар в том числе.

Когда они встретились на перроне вокзала, им обоим было чуть за двадцать. Растерянная, растрепанная, она сидела на скамейке с огромным чемоданом. Фрэнк сразу поставил диагноз: несчастная любовь – и не ошибся. Сначала он ни о чем ее не расспрашивал, а просто старался показать себя с лучшей стороны. Она была покорена и открыла ему сердце – рассказала о страшном разочаровании, из-за которого пережила самые тяжелые минуты в жизни. Человек, ради которого Урсула оставила все, вдруг в одночасье бросил ее, как вышвыривают паршивую собаку. Она старалась улаживать его малейшие прихоти, а он становился все более требовательным, раздражительным, потом непреклонным, а иногда и жестоким: ему (Урсула была в этом убеждена) нравилось смотреть, как она страдает...

Фрэнк вспоминал горькие признания девушки, необычайный блеск ее ясных глаз: «Да, ему, наверное, нравилось видеть, как я страдаю... Однажды он подарил мне великолепное вечернее платье, я была сама не своя от радости. А за несколько часов до первого вечера, где я должна была показаться в этой красоте, он как бы нечаянно толкнул бутылку с сильным чистящим средством, все пролилось на платье – и оно превратилось в тряпку для протирки мебели. Под присягой не скажу, но уверена: он это сделал нарочно. В Джерри было что-то извращенное, он словно забавлялся, видя страдания людей, а мои – особенно».

Потом Фрэнку приходилось задавать себе те же вопросы, но уже касательно Урсулы, и его мнение о неведомом Джерри изменилось несколько к лучшему. Что до извращенности натуры, Урсула по этой части не уступила бы никому. Пока длился их роман, она дарила Фрэнку блаженство и муки, бросала из рая в ад, сегодня была без памяти влюблена, а завтра – противна и зла, холодна и надменна, проводила вечера с другими – «старыми приятелями». Она нарочно заставляла его страдать, при всяком удобном случае для своего удовольствия разжигая его ревность. Например, однажды Урсула приняла за Фрэнка одного его знакомого, который на него был отдаленно похож, и сказала, что это произошло по близорукости. Какая близорукость? Она не носила очки! Он ей это заметил, а она с вызовом ответила, что очки ее портят. По-настоящему ему бы вздохнуть с глубоким облегчением, когда в одно прекрасное утро Урсула заявила, что все кончено, и выставила его за дверь так быстро, что даже тот самый Джерри (Фрэнк как раз о нем вспомнил) удивился бы, и Данбар, в свою очередь, оказался на улице с чемоданом в руках.

Был ли похож на правду портрет Джерри, нарисованный Урсулой? Не сама ли она была тем извращенным созданием? Может быть, Джерри был просто умнее и смелее Фрэнка, устал от причуд Урсулы и решил порвать с ней первым. А могла ли гордячка с подобным смириться? Да ни за что! Вот этим, может быть, и объяснялась глубокая хандра, в которой он застал ее тогда на вокзальной скамейке.

С тех пор прошло лет двадцать. Приближаясь к Корнуоллу, где жил тот самый Джерри, которого Фрэнк никогда не видел, он с каждой минутой все сильнее ощущал эти годы. Урсулу он тоже никогда больше не встречал. Она взяла его сердце в свои жарко-ледяные руки да так назад и не отдала. Он ненавидел ее – и все так же любил.

Поезд замедлил ход. Журналист вышел в коридор, достал из внутреннего кармана пиджака бутылку виски и глотнул. Закурил и смотрел, как приближается станционное здание. Заскрипели тормоза, поезд остановился.

– Таунтон, стоянка пять минут, – объявил металлический голос.

Корнуолл был уже совсем близко. Фрэнк Браун, естественно, волновался, но виду не подавал. И вдруг выражение его лица изменилось, а горло как будто обручем сдавило: среди пассажиров, выходящих на перрон из-за белого барьера, он увидел женскую фигуру, все такую же грациозную и красивую, которую узнал бы из тысяч: Урсулу Браун...

Чарлз Джерролд сидел в кресле в своей уютной, богатой лондонской квартире и с интересом читал «Таймс». То был элегантный человек лет пятидесяти, с седеющими висками, скромным и благожелательным взглядом. Никто бы не удивился, узнав, что это опытный психиатр, служащий в одной из лучших клиник столицы. Но вид его не говорил о том, что в работе он был тверд и строг, непреклонен с пациентами, и не всем больным это нравилось.

– Невероятно... – прошептал доктор, сворачивая газету.

– Что невероятно, Чарлз? – спросила его жена Алиса – довольно высокая, медлительная блондинка, аккуратно укладывавая костюмы мужа в саквояж.

– В прошлом месяце они отпустили этого психа...

– Какого психа?

– Того, который лет десять назад убил то ли троих, то ли четверых в театре где-то на севере. Невероятно...

Миссис Джерролд выпрямилась.

– Знаешь, Чарлз, чего бы мне очень хотелось?

– Чего?

– Чтобы, если у меня когда-нибудь начнутся проблемы с психикой, меня лечил не ты. Право, по-моему, ты слишком строго судишь.

– Я знаю, о чем речь, Алиса.

– Все твои коллеги говорят...

– Пусть говорят. Я делаю свое дело, насколько в нем понимаю и как считаю нужным его делать. И полагаю, что в данном случае отпускать этого типа слишком рискованно – вот и все.

– И в данном, и в том, и во многих других случаях. Послушать тебя, так половина подданных его величества должна ходить в смиренных рубашках.

Чарлз Джерролд только чуть пожал плечами.

– И что интересно, – продолжала Алиса. – Тебя какой-то незнакомец приглашает в гости в Корнуолл, а тебе это не кажется подозрительным.

– Дорогая, прошу тебя! Перестань меня пилить. Ты прекрасно знаешь: я еду туда без всякой охоты и предпочел бы провести спокойно уикенд дома, с тобой. Но пойми, люди нашей профессии не могут отказываться, когда кто-то обращается к нам за помощью. Да и Джерри Пирсон мне не совсем незнаком. Я точно помню,

что слышал о нем. К тому же его знает сэр Юстас.

– Говори, что хочешь, а мне это приглашение кажется странным...

– Станным? – переспросил психиатр, повысив голос. – Почему, черт возьми? Письмо как письмо, я таких получал множество: обращение за помощью к специалисту. Что в этом странного? И Корнуолл, в конце концов, не на краю света!

Он встал, достал из кармана письмо и перечитал его:

«Тинкастл, 8 апреля 1936.

Милостивый государь,

Многие мои друзья, в том числе хорошо известный Вам сэр Юстас, говорили мне о Вас с величайшей похвалой, и я думаю, что мне не следует долго разыскивать нужного человека для небольшой встречи, которую я организую у себя в последний уикенд этого месяца. Там будут присутствовать знаменитый историк Джосая Халлахан и местный поэт Гэйл Блейк, о котором вы, конечно, слышали.

Что имеется в виду? Небольшой отдых, но вместе с тем некий необычный опыт, который как раз требует Вашего присутствия. Ваш превосходный аналитический ум, беспристрастность Ваших суждений, глубокое знание поведения человека – вот необходимые качества для достойного доверия свидетеля, которого я разыскиваю. Но больше я предпочел бы ничего Вам не сообщать, чтобы не повлиять на Ваш диагноз.

Присоединитесь ли Вы к нам в конце месяца? Мы с моими друзьями весьма бы этого желали.

В надежде вскоре познакомиться с Вами прошу Вас соблагovolить принять мои почтительные приветствия.

Джерри Пирсон.

P.S. Само собой разумеется, что расходы я беру на себя. В случае положительного решения не могли бы Вы быть любезны поскорее меня уведомить?»

Через час Чарлз Джерролд занял место в купе первого класса на Паддингтонском вокзале. Он положил на сетку тщательно собранный женой саквояж и, ожидая свистка к отправлению, погрузился в созерцание спешащих по перрону пассажиров.

«Наблюдение, – думал он, – всегда полезно для того, кто умеет анализировать и интерпретировать факты, кто обладает «глубоким знанием поведения человека». Конечно, это трудная наука, но одна из самых увлекательных...»

Глава 3

В последнюю пятницу апреля 1936 года, когда на западе собирались черные тучи, пассажирский поезд из Эксетера остановился на вокзале в Кэмелфорде. Из него вышли Мэйдж Пирсон и Билл Пейдж. Билл медленно шел по перрону, нагруженный большим саквояжем и чемоданом Мэйдж, и недоверчиво осматривался.

– Ты какой-то напряженный, Билл, – заметила Мэйдж, делая вид, что сама говорит весело. – Нервничаешь еще больше, чем я...

– Я думаю, найдем ли мы такси в этой чертовой дыре. Идти пешком чистое безумие. Смотри, что там на небе, – мы сейчас промокнем насквозь.

– Не нагнетай! Надеюсь, погода в эти дни будет неплохая. А пешком все равно не дойдешь – слишком далеко.

– Неплохая? Прогноз погоды такого не обещает. Ты слишком оптимистично смотришь на вещи. Для начала надо найти такси. Здесь, кажется, не то что в Лондоне...

Старая развалюха, которая довезла их до деревни, в самом деле не имела ничего общего со столичными такси, казалось, она страдает одышкой. Зато шофер, несмотря на возраст, был еще очень бодр, а болтал так, что лондонские коллеги просто умерли бы от зависти. Не прекращая разговора, он через полчаса высадил молодых людей у церкви – старинного гранитного здания с гордо возвышавшейся колокольной над скромными, но крепкими домиками с толстыми стенами, защищавшими от бурь. Вечерело. Башенки на церкви, шпили старых крыш из толстой черепицы, почти конические печные трубы вытянулись ломаной линией, причудливой и суровой. От нее исходила неведомая угроза, которую приезжий не мог не заметить.

– Здесь выходите, – сказал шофер, выключив зажигание. – Прямо за церковью тропа, по ней выйдете на дорогу до замка. Там для моей девочки крутенько будет. Такие дороги ей уже не по годам. До замка всего миля, только туда и новая машина не доедет. Стало быть, обходите церковь, потом идете... Ах ты, чтоб тебя распротак!

Ветер сорвал с шофера каскетку, которую он поймал с большим трудом. Мэйдж не удержалась от смеха, но через четверть часа, когда они шли высоко над океаном вдоль утесов, грозный аквилон сыграл с ней ту же шутку: унес очаровательную шляпку, которая необычайно ей шла. Было бы совсем смешно, если бы Билл рефлексивным движением, достойным уважающего себя джентльмена, не поймал головной убор на самом краю обрыва, рискуя свалиться в пропасть. Происшествие можно было бы счесть дурной приметой, тем более что и место к этому располагало как нельзя лучше.

Несомненно, места здесь были суровые. Северная сторона Корнуолла, дикая, развороченная стихией, неумоимо сопротивлялась натиску моря – огромной неумолимой зеленой массе. Перед ними вставал среди волн дикий островок. С его северной стороны стояло большое здание, средневековое на вид – тревожный мрачный силуэт на фоне свинцового неба. Чтобы попасть туда, надо было спуститься вниз и пройти по естественной, окруженной морем арке, по которой были проложены деревянные мостки.

– Ты с ума сошел, Билл! – сказала Мэйдж, вся дрожа. – Ты же чуть не свернул себе шею!

– Я не подумал...

– А все этот ветер, проклятый ветер! Как всегда – вдруг налетит, да так резко! Меня словно по голове ударили, когда он сорвал эту шляпку. И зачем только мы сюда приехали?

Тот же вопрос она задала еще раз через несколько минут, когда они шагали по скользким мосткам. Железные перила казались прочными, но вся конструкция – довольно сомнительной, а посредине было метров десять, где она даже не опиралась на каменное основание: арка в этом месте обрушилась. Под ногами кипело ревущее море, то и дело обнажая мокрые черные скалы и подымая облака пены.

– Осторожно, Билл! – сказала Мэйдж, опершись на его руку. – Здесь так скользко!

– Представь себе, я заметил.

– Если погода хорошая, в отлив можно пройти, перепрыгивая по камням.

– Я бы не решился...

– Зато в плохую погоду и в прилив тебя может окатить волной!

Добравшись до островка, Билл поставил вещи, протер очки и задумчиво посмотрел на скалы, которые отсюда казались огромной башней, уходившей в небо за облака. Справа дорога, пробитая в скале, была отделена от бездны хлипким тоненьким канатом. Молодые люди пошли дальше. Их приветствовали хриплые крики кружившихся над островом чаек.

На полпути Билл нахмурился, остановился, опять поставил вещи на землю и ощупал карманы:

– Бумажник! Бумажника нет!

– Неужели? Погоди... Когда ты расплачивался за такси, он у тебя был?

– Точно был.

– Тогда, наверное, ты выронил его, когда прыгал за моей шляпкой!

Билл огорченно кивнул.

– Да, пожалуй... Значит, придется вернуться. Ты иди дальше сама, а я вернусь и захвачу вещи.

– Хорошо, только обещай, что к обрыву подходить не будешь!

Билл скрылся из вида. Мэйдж пошла дальше и через несколько минут добралась до небольшой площадки у скал, с которой, слегка нависая над ней, был виден весь замок. Внушительный силуэт вдруг напомнил ей детство с его кошмарами. Она остановилась и стала разглядывать дом.

Массивное трехэтажное гранитное здание на фундаменте какого-то древнего жилища высилось на северном краю крутой скалы, почти на одной высоте с верхней точкой островка – продолговатым плато длиной около сотни метров. Замок строение называлось главным образом из-за большой квадратной башни на одном конце довольно несуразной конструкции, преимущественно неоготической, пострадавшей от времени и непогод, а к тому же еще и из-за явно скверного ухода.

Теперь все опять казалось знакомым. Мэйдж вспомнила: чуть дальше, налево за большой скалой, раньше стояла лачужка. А за ней начиналась крутая тропа, идти по которой было быстрее, но гораздо опаснее.

Деревянный домик находился все там же – на месте, как часовой, охраняющий подход к замку. Мэйдж прошла мимо него и вдруг услышала неприятный голос:

– Сударыня!

Она обернулась и увидела у порога лачужки бородатого молодца с довольно косматыми волосами в длинном потертом плаще.

– Кто вы? – спросила она, немного обиженная его неприветливым тоном.

– Я Питер, Питер Кобб, привратник в замке.

– Привратник? У дядюшки есть привратник? – спросила Мэйдж, подходя к нему.

Питер Кобб, казалось, смутился:

– В общем-то, я в этом доме как бы на все руки. Это только сегодня у меня такие обязанности. Так вы мисс Мэйдж, племянница мистера Пирсона?

– Да. Но я не совсем понимаю... К чему тут привратник?

– Как к чему: встречать гостей. А еще для того, чтобы не пускать посторонних, – понимаете?

По правде говоря, Мэйдж мало что понимала, но дядюшка говорил о каком-то невероятном происшествии, и она решила оставить свое мнение при себе.

– Надеюсь, я приехала не последняя? – спросила она.

Привратник снова замялся:

– По правде сказать, не знаю... Но думаю, что большинство гостей уже здесь...

– Как, вы их не видели?

– Понимаете... меня, к сожалению, кое-что задержало... я совсем недавно заступил на пост... Только, только... – совсем невнятно забормотал привратник. – Только не говорите вашему дяде, сударыня, ему это совсем не понравится...

Мэйдж ответила не сразу: она была сбита с толку, и ей следовало подумать. И должность, и поведение этого человека казались ей очень странными.

– Кстати, – сказала она, – сюда должен прибыть еще один человек, которого, наверное, не ждут. – Она описала внешность Билла. – Но вы, я думаю, внакладе не останетесь: мы оставили свои вещи внизу. Отнесите их в замок, будьте любезны!

Через четверть часа Мэйдж попивала херес, наслаждаясь теплом ярко пылающего камина. Комната была довольно просторная, хотя прежде казалась ей еще больше. Но, как и прежде, Мэйдж ощущала особую атмосферу, которая исходила от стен, увешанных полинявшими гобеленами (сцены псовой охоты и дама с единорогом, которая всегда ее завораживала), от четверочастных окон с маленькими стеклами в свинцовых переплетах, от внушительного каменного камина, от старинной дубовой мебели – стульев с высокой спинкой и других предметов обстановки, – от обитых гвоздями дверей и множества кованых вещей, в том числе замечательной люстры, висевшей над круглым столом, которого она здесь прежде не помнила. Тогда стол стоял у стены рядом с роскошным буфетом.

Кого она знала из гостей, которых ей представил дядя Джерри? Кажется, никого. Никого из четверых мужчин и уж тем более эту чаровницу Урсулу Браун, во все стороны расточающую загадочные улыбки, такие же пьянящие, как ее духи. Да еще и рыжая. Что скажет Билл, когда ее увидит? Это ей было любопытно. «Только почему его так долго нет? Что он там делает? А вдруг с ним случилось несчастье на этих опасных скалах? Нет-нет, об этом лучше не думать...»

Дядя Джерри, как показалось, догадался, о чем она беспокоится. Они обменялись улыбками. Он подошел к ней.

Каким она его теперь нашла? Конечно, он изменился. Ему должно было быть лет сорок пять – так он и выглядел. На лбу и висках за те полтора десятка лет, что они не виделись, стало гораздо меньше волос. Но улыбка все та же: странно-ласковая, инквизиторски-любезная. Пожалуй, этот необычный блеск в глазах стал даже еще заметнее.

Но она бы покривила душой, если бы стала жаловаться на его нынешнее поведение. Когда Мэйдж позвонила в тяжелую входную дверь и дядя Джерри открыл, он казался искренне взволнованным встречей, на редкость приветливым. С отцовской гордостью он представил ее гостям. Нет, пока упрекнуть его было не в чем. Оставалось только узнать причину этого приглашения. Остальные гости, видимо, знали не больше нее и находились в ожидании.

– Мэйдж, дорогая, ты, кажется, чем-то встревожена? – любезно спросил он, покровительственно положив руку ей на плечо. – Да, какой же я болван, ты

ждешь своего приятеля, который потерял бумажник! Но ты правильно сделала, что его привезла, – мне очень хочется с ним познакомиться...

Он не договорил и обернулся: дверь в гостиную вдруг резко распахнулась. Но вошел не Билл, которого ждала Мэйдж, а Питер Кобб. Он подошел к ней и все так же ворчливо сказал:

– Я отнес вещи к вам в комнату, мисс Мэйдж.

– Благодарю вас. Но скажите, Питер, вы не видели моего знакомого?

Молодой привратник нахмурил брови:

– Этого... которого вы мне описали? Нет... Я вообще видел только вон тех двух господ. – Он указал на Гэйла Блейка и Джосаю Халлахана, занятых оживленным разговором. Они приехали сразу вслед за вами. А больше никого...

– Ты уверен? – переспросил дядя Джерри.

– Господи! – воскликнула Мэйдж. – Это же я виновата! Потому что велела вам отнести вещи, Питер! А Билл говорил, что подберет наш багаж на обратном пути. Должно быть, он их ищет!

– Понял, – кивнул головой привратник. – Пойду скажу ему.

Он развернулся и поспешно вышел из гостиной. Через десять минут появился Билл Пейдж – весь раскрасневшийся, с прядью волос, упавшей на лоб, в покосившихся очках. Мэйдж почувствовала, что он очень недоволен.

Но дядя Джерри встретил его так весело и радушно, что скоро все наладилось. Билла представили гостям, потом Мэйдж удалось переброситься с ним парой слов с глазу на глаз:

– У меня сердце было не на месте... Я уже боялась самого худшего...

– А я думал, что сошел с ума: сначала бумажник, потом чемоданы! Нет, и все: как испарились! Искал, искал повсюду, потом пришел тот тип и объяснил...

Мэйдж опустила глаза:

– Это я виновата... Попросила его услужить и не подумала... А бумажник-то ты нашел?

Билл похлопал по нагрудному карману:

– Да, слава богу. Он был там, где мы и думали, так что...

Он не договорил. Подошли Блейк и Халлахан.

– Сударыня, – робко обратился к Мэйдж историк, – вы его племянница? Не могли бы вы нам помочь? Скажите, что предполагается сегодня вечером? Вашему дядюшке явно очень приятно хранить тайну... Честное слово, мы будем немые как рыбы!

– Как? – воскликнул Билл. – Вы тоже не знаете, зачем мы здесь собрались? Невероятно!

– Именно, не то слово! – вступил в разговор разгневанный Гэйл Блейк. – В понедельник я случайно встретил своего друга Джосаю. Он рассказал мне об этом приглашении, а я сам еще ничего не знал! Получил приглашение только позавчера – и, конечно, без всяких подробностей.

Историк примирительно положил руку на плечо другу:

– Должно быть, мы скоро все узнаем, Гэйл...

Говоря это, Халлахан лукаво поглядывал на хозяина дома. Тот сел на стул с высокой спинкой возле камина. Оглядев собрание, Джерри Пирсон откашлялся. Наступила тишина – слышно было, как ветер воет в трубе. Потом хозяин заявил:

– Дамы и господа, прошу несколько минут внимания. И еще попрошу проявить совсем немножко терпения. Я знаю: вы сгораете от желания узнать, зачем я вас сегодня собрал. Через несколько минут я вам все скажу. Но вначале позвольте представить вас друг другу.

– Мне кажется, вы это уже сделали? – сказал Джосая Халлахан.

Пирсон кивнул, прикрыв глаза:

– Да, конечно – по вашим повседневным именам. Но с этого момента мы переходим в другой мир – мир короля Артура и его славных рыцарей Круглого стола! Ибо этот замок, что бы вы по этому поводу ни говорили и ни думали, – жилище Утера Пендрагона, отца Артура. Именно здесь однажды холодной ветреной ночью он вверил сына чародею Мерлину, чтобы уберечь его от заговоров, о существовании которых не без оснований подозревал. Я говорю не о нынешнем здании, а о его фундаменте. К этому мы еще вернемся...

– Обязательно вернемся! – повторил Гэйл Блейк с иронией в голосе.

Пирсон улыбнулся поэту в ответ и продолжал:

– Итак, с вас и начнем! Ваша осанка, черная борода, буйный характер – вы будете сэром Пелинором, в знаменитом бою с которым королю Артуру пришлось немало потрудиться!

Блейк засмеялся и кивнул.

Пирсон обратился к Урсуле Браун:

– Вас, дорогая, я не вижу в иной роли, кроме феи Морганы, которая ненавидела своего брата Артура и всячески старалась вредить ему, строя самые зловредные и хитроумные козни.

Урсула открыла рот, чтобы возразить, но дядя Джерри уже продолжал:

– А вы Фрэнк Данбар, будете Акколоном – глупым рыцарем, влюбленным в Моргану, всецело ей преданным и готовым слепо следовать за нею в самых черных замыслах.

Репортер тоже был слишком поражен, чтобы возразить.

– Вы, племянница, – саркастически продолжал Пирсон, – конечно, прекрасная Гвиневра, супруга Артура, за которой ухаживает верный рыцарь – Ланселот! – Он указал на Билла Пэйджа. – А вы, Джосая Халлахан, образованный человек с миролюбивой улыбкой и длинной белой бородой, естественно, станете чародеем Мерлином. Кажется, это прозвище вам уже дали, и оно вам очень подходит.

Кого я забыл? А, еще Питер – Питер Кобб, молодой человек, который стережет вход в замок, вы его недавно видели. Подумаем, кем бы он мог быть? Собственно, роль у него малозначительная. Пусть будет Кеем – незадачливым сводным братом Артура.

Да! Остались еще вы, Чарлз Джерролд, знаменитый психиатр из Лондона. Вам я назначил роль Мордреда. Мордреда-предателя. Я вам потом объясню, почему.

Собравшиеся не проронили ни слова. Им было и забавно, и неловко. Джерри Пирсон, восседая на стуле, улыбался им. Рядом с ним потрескивало пламя в камине, дополняя это странное молчание и зажигая в глазах гостей огоньки неподдельного любопытства.

– А вы? – вдруг спросил Гэйл Блейк. – Вы-то сами, должно быть, король Артур?

Хозяин медленно покачал головой:

– Нет, не совсем... Обратите внимание: он где-то здесь неподалеку – ведь вы же знаете, что он не умер. Моя роль будет очень скромной... Самой смиренной – лучше не скажешь! – усмехнулся он.

– Но мы так и не узнали, зачем мы здесь, – сухо произнесла Урсула Браун.

– Да, что же это за необычайное событие, о котором вы нам писали? – громовым голосом возгласил Гэйл Блейк, он же сэр Пелинор.

Пирсон закрыл глаза и медленно, четко проговорил:

– Я пригласил вас ради того, чтобы вы стали избранными свидетелями убийства.

В гробовой тишине Джерри Пирсон расхохотался.

– Нет, нет, не беспокойтесь! За себя вам бояться нечего. Скоро вы все поймете. Но прежде предлагаю вам отдать должное этим изысканным блюдам, приготовленным лучшей стряпухой деревни!

С этими словами он встал и пригласил гостей следовать за собой к большому круглому столу. Собравшиеся повиновались не без колебаний, натужно улыбаясь. Но после пары добрых бутылок возобладала мысль, что Джерри Пирсон просто пошутил. В этой-то непринужденной атмосфере он, очень оживленный во время трапезы, опять попросил тишины.

– Недавно я вам сказал, что около полутора тысяч лет назад камни, на которых стоит это здание, служили фундаментом того самого замка, в котором родился знаменитый король Артур. Именно это место, а не развалины на полуострове около Тинтагеля, как часто утверждают. Ошибка произошла, видимо, оттого, что они друг на друга очень похожи: ведь наш островок – словно миниатюрная копия Тинтагеля. Да он отсюда и неподалеку.

– Вы прекрасно знаете, что эта идентификация – просто легенда, – возразил Гэйл Блейк. – Король Утер никогда не бывал в замке Тинтагель, а Артур тем более. Так что нечего и говорить об этом месте.

Пирсон не расстался со своей улыбкой:

– Прекрасно понимаю вашу точку зрения, сэр Пелинор. Вам этого не перенести! Какой-то Пирсон живет в королевском замке? Такого вы допустить не можете. Но найдите прежде всего, что этот клочок земли действительно принадлежит мне. – Он обратился к племяннице: – Гвинева, ты не знала Рут – мою мать и твою неродную бабушку? Нет, не знала... Она умерла раньше. Так вот, от нее я получил это наследство, которое, может быть, когда-нибудь перейдет к тебе.

Мэйдж еле удержалась, чтобы не сказать, что в этом случае она как можно скорее избавится от такого наследства.

– Но кроме этого уголка, она оставила мне несколько семейных тайн, которые, я уверяю, несомненно доказывают славное происхождение моего жилища! Правда, нынешнее строение – результат серии половинчатых переделок одного нового владельца за другим, почти никогда не доведенных до конца из-за нехватки средств. Верно и то, что и я не всегда в этом отношении был на высоте. Но бог с ним – с нынешним состоянием! Важны его корни – благородные корни!

– Мне кажется, у вас тоже бывали лучшие времена, – насмешливо заметил поэт, поглаживая большую черную бороду.

Пирсон задержал взгляд на собеседнике и продолжил:

– Известно, что вы не любите чужаков, сэр Пелинор. А я, на ваш взгляд, тоже чужак. Моя мать родом не из этих мест, чтобы считать незаконным даже мое пребывание здесь, а тем более любые мои притязания. Впрочем, вы этого никогда и не скрывали.

– Верно, – согласился поэт и с удовольствием отхлебнул вина из бокала.

Затем Пирсон обратился к психиатру:

– Вы полагаете, доктор Джерролд, что до сегодняшнего дня мы были не знакомы, не так ли? Так вот – я думаю, что это не совсем верно. Некоторое время тому назад я бывал у одной девушки из пригородов Лондона. Ее отец был богатым промышленником. Вы упорно ухаживали за этой девушкой, хотя она несколько раз недвусмысленно вас отвергала. Потом ее отец погиб в результате несчастного случая. Бедное дитя сильно страдало – это правда. А некоторое время спустя вы заставили поместить ее в лечебницу. В конце концов она действительно сошла с ума, а потом покончила с собой.

Доктор Джерролд пробормотал, побледнев:

– На что вы намекаете? К тому же... прежде всего как звали эту девушку?

Пирсон продолжал, не обращая на него внимания:

– Так вы отомстили. Ей ли? Мне ли? Обоим? Не знаю, но верно то, что вы ее упрятали в лечебницу, а она вовсе не была безумной!

– Настоящая обвинительная речь! – воскликнул Джосая Халлахан. – А что вы можете предъявить мне?

Пирсон расплылся в сладчайшей улыбке:

– Вам, дражайший Мерлин? Ну кто же может что-то иметь против вас? У кого может быть мотив хоть для малейшей злобы к доброму старому чародею Мерлину? Вас все уважают, Халлахан, вы самый приятный человек во всем графстве. Собственно, потому я вас и пригласил – чтобы в некотором роде восстановить равновесие. Вы – исключение, которое подтверждает правило!

Но я боюсь, что вы совершенно неправильно толкуете мои намерения. Не стоит искать в моих словах недоброжелательность – я просто объясняю факты, которые позволят вам лучше понять ситуацию. Повторяю: я ничего не имею против кого-либо из вас. Особенно против моей племянницы, прекрасной Гвиневры. Да будет вам известно, что в свое время она осталась практически одинокой: отец ее уехал на Африканский континент и оставил ей лишь маленькое содержание. Но теперь она взрослая девушка, собирается, должно быть, вскоре выйти замуж – не правда ли? – Этот вопрос был обращен как к Мэйдж, так и к Биллу. – Вы говорили мне, что служите в энциклопедии, мистер Пейдж? Благородная миссия просвещать людей, но, полагаю, не слишком доходная? – Билл напрягся. – Я хочу сказать, солидное наследство вам обоим не помешало бы...

А вы, Фрэнк Данбар, любили красавицу Урсулу? Что я говорю – вы до сих пор ее любите! Такую женщину, как она, не забудешь. Что она вам говорила обо мне? Уверен: ничего хорошего. Если она вас попросит, вы сделаете для нее что угодно, не так ли?

Журналист невозмутимо допил вино и очень сухо спросил:

– К чему вы клоните?

Миролюбивое лицо Джерри Пирсона расплылось в широкой улыбке.

– Разве вы еще не поняли? Здесь собралось столько людей, у которых имеются причины желать моей смерти. Жертва – тот, кого убьют сегодня вечером, – это я.

Глава 5

Джерри Пирсон неторопливо обводил взглядом комнату, не переставая улыбаться улыбкой сфинкса, а ветер ревел в трубе, раздувая в очаге огонь, оттенявший застывшие лица гостей.

Молчание прервал Блейк. В его глазах блеснула какая-то надежда.

– В общем, я понял: вы нас пригласили, чтобы присутствовать при вашем собственном убийстве. А вы тут сидите и безмятежно, чуть ли не весело ждете неумолимой судьбы? Предупреждаю вас, Пирсон: если так дальше пойдет, мы больше ни единому вашему слову не поверим!

– Я только что объяснил вам: почти у всех здесь есть причина желать моей смерти.

– И поэтому мы здесь весело пируем с вами за столом, который вы так хорошо накрыли в нашу честь!

– Как же иначе с такими почтенными гостями! Кстати, вы заметили, что этот стол круглый? Как и другой знаменитый стол? Сэр Пелинор, сэр Ланселот, сэр Мордред – ведь вы же прославленные рыцари Круглого стола!

– А вы, раз вы председатель на этом собрании, – король Артур?

Джерри Пирсон как будто погрузнел.

– Не совсем так, хотя... Вы знаете: в последние годы царствования у короля Артура совсем не осталось друзей. Ланселот увел у него Гвиневру, Мордред только и делал, что строил козни против него. Став жертвой множества предательств, он весьма ожесточился и, должно быть, сильно мечтал о мести. Печальный конец для такого благородного человека после всех этих кровавых и

дурацких войн, стоивших жизни стольким его верноподданным! Знаете, каковы были последние слова, которые смертельно раненный король сказал верному рыцарю, проводившему его на берег озера, когда Владычица Озера с тремя спутницами разыскивала его?

– «Не убивайся понапрасну, Бедивер! Я должен поспешать на остров Авалон, чтобы залечить мою жестокую рану», – процитировал Джосая Халлахан с напряженным смешком.

– Совершенно верно. А что с ним стало потом?

– Говорят, он похоронен в Гластонбери...

– А еще говорят, – сурово произнес Пирсон, – что он мирно спит в заколдованном подземелье где-то здесь неподалеку. И еще говорят, что он не покинул остров Авалон, куда был перенесен как по волшебству, готовый прийти на помощь по первому зову своего народа, – «готов вернуться, если пожелает». Тем королем Артуром, который погиб в бою, могу быть и я, да... Но есть другой Артур: тот, что спит на Авалоне и ожидает часа мщенья. Вот этого надо вам остерегаться!

В этот момент окна сотряслись от страшного порыва ветра. Хозяин вдруг встал и сказал:

– Поднимайтесь, идите за мной. Мы выйдем из дома, и я вам кое-что покажу...

Как будто под гипнозом от его странных слов, все собрание поднялось и без всяких возражений подчинилось. Конечно, пришлось подождать, пока некоторые вернулись в свои комнаты и надели пальто. Тем временем Пирсон сопровождал Билла Пэйджа в отведенное ему помещение – маленькую комнатку в конце коридора, противоположном от Мэйдж, извиняясь, что не может поместить молодого человека ближе к своей племяннице: ведь он как-никак приехал неожиданно. Все гостевые комнаты располагались на третьем этаже – вдоль коридора в форме буквы U.

Оказалось, что в замке был еще внутренний дворик, куда вело много дверей, а наружу из него выходила только одна – проем в западной стене. Слева от проема в углу стояла квадратная башня. Через десять минут гости вслед за Джерри Пирсоном пересекли неровно замощенную площадку, погруженную в

полумрак. Из-за тяжелых черных туч сумерки наступили раньше положенного. Накапывал дождь. Штормовые фонари в руках у Пирсона и Гэйла Блейка отбрасывали огромные шевелящиеся тени на высокие стены кругом, а над стенами завывал ветер. Внутри ограды еще было какое-то ощущение безопасности, но оно пропало, как только вышли за калитку. Там, за узкой площадкой, лишь кое-где огороженной каменными глыбами, отвесные скалы уходили метров на пятьдесят вниз, к оглушительно грохотавшему морю. Ветер и дождь хлестали в лицо, словно отталкивая от него людей.

Джерри Пирсон сделал несколько шагов и поднял фонарь, осветив глыбу около края, в которую был воткнут меч. В желтоватом свете сталь поблескивала золотистыми бликами. На фоне мрачного неба все это выглядело феерически.

– Меч короля Артура! – чуть ли не в экстазе прошептал Халлахан. – Знаменитый меч, который только молодой Артур смог выдернуть из скалы и таким образом получил корону... Право же, Пирсон, вы учли все подробности. Держу пари, что его невозможно отсюда вытащить!

– А вы попробуйте.

Халлахан подошел, за ним и Блейк с поднятым фонарем.

Меч был почти на три четверти углублен в большую, изначально полую скалу, укрепленную цементом. Он больше походил на шпагу какого-то корнуолльского флибустьера, чем на меч средневекового рыцаря: полукруглая гарда, утонченная со стороны эфеса, и рукоять великолепной работы.

– Мне кажется, – сказал Мерлин, – эта честь по праву принадлежит вам, сэр Пелинор.

Поэт улыбнулся, отдал фонарь Халлахану, напряг свои могучие мускулы, чтобы вытащить меч, но довольно скоро убедился, что это бесполезно, и бросил.

– Практически невозможно, – вздохнул он, потирая ладони. – Лезвие почти на всю длину в цементе.

– Чтобы его достать, надо взорвать скалу, – заметил Халлахан.

– Его еще надо было сюда принести, – вмешался Билл. – Тоже нелегкий труд...

– Что же, – спросил Халлахан, обратив на Пирсона насмешливый взгляд, – какую роль сыграет этот меч? Он станет орудием убийства, нанесет смертельный удар?

Несколько секунд слышны были только порывы ветра и шум волн, разбивавшихся о скалы. Вдруг из темноты выступила Урсула Браун и встала прямо перед Пирсоном:

– Шутка затянулась, Джерри! Скажи, что ты замыслил!

– Какая шутка? Я вам прямо сказал, что сегодня произойдет: меня убьют.

– Прекрасно. Хочешь продолжать игру – давай. И прежде всего я хочу знать, почему ты не упомянул меня в обвинительном акте.

Волосы Пирсона разметались на ветру, он был уже не столь элегантен, но по-прежнему полностью владел собой и положением.

– Правда, Урсула, про тебя я как-то забыл. Забыл, до какой степени фея Моргана зла, капризна, губит всех мужчин близ себя. Она погружает их в отчаяние и доводит до гибели так же верно, как океан, поглощающий своих жертв. Сколько времени ты провела здесь, в этом доме? Два, три, четыре месяца? Уже не помню. Тебе было от силы лет двадцать, мне чуть побольше. Ты меня чуть не погубила. К счастью, я вовремя спохватился и не знаю, каким чудом нашел в себе силы последним спасительным движением духа выставить тебя вон. Мужчина посмел прогнать тебя, фею Моргану! Это, должно быть, сильно тебя уязвило, глубоко ранило твою гордыню, и рана эта не зажила до сих пор. Как видишь, у тебя не меньше причин ненавидеть меня, чем у других.

– Так все здесь присутствующие – возможные убийцы? – спросил Блейк.

– Именно так, – преспокойно ответил Пирсон. – Повторяю: один из вас сегодня убьет меня. Непременно один из вас: больше никого на острове нет. За этим следит Питер Кобб. Его задача – сторожить у входа и пропускать только тех, кто приглашен на сегодняшний вечер, то есть вас.

– Право, Пирсон, это уже чересчур! И мы, по-вашему, в это поверим? Да где же такое видано? Если бы вам грозила неизбежная гибель, вы были бы в страхе и отчаянии, а вы веселитесь. Но мало того: представляетесь нам каким-то колдуном, утверждаете, будто убьет вас рука одного из нас! Поразительно! Чушь какая-то!

– Я вам больше скажу, Блейк, – протяжно произнес в ответ хозяин замка. – Я, например, знаю, кто именно из вас меня убьет. Могу сказать вам: ничто не остановит этого человека. Удар будет нанесен, что бы ни случилось и что бы я ни сделал. И еще могу сказать: этот человек обеспечит себе безупречное алиби, сможет доказать, что физически никак не мог совершить это убийство – мое убийство!

– И кто же этот человек? – спросила Урсула Браун, не замечая капель дождя, стекавших с ее загадочного лица.

– Ну конечно же тот, кто больше всех меня ненавидит! Ты, дорогая моя Урсула!

Глава 6

На несколько секунд Урсула Браун словно окаменела. Какие только чувства не промелькнули в ее неподвижных серо-зеленых глазах! Собравшимся стало страшно, как бы она не кинулась выцарапать глаза бывшему жениху. Наконец женщина запрокинула голову, рассыпав огненно-рыжие кудри по темно-красному плащу, и громко расхохоталась.

– Так по-твоему... ох... это я тебя... сегодня... убью?

– Так оно и будет, – совершенно спокойно ответил хозяин.

– И придумаю себе безупречное алиби? Ты же знаешь, что у меня на это не хватит мозгов! Ты всегда считал меня круглой идиоткой!

– Я никогда этого не говорил...

Урсула театрально воздела руки:

– Ну еще бы! Конечно, не говорил! Но всегда давал понять.

– Ты ошибаешься. Наоборот: я всегда считал, что ты дьявольски умна. А то, что я сказал – сбудется...

– Джерри, это уже действительно перебор. Ты перестараяешься, нам это надоест, и мы испортим тебе вечер.

– Урсула, ведь ты меня ненавидишь?

– Отрицать не буду, чтобы не врать.

– Вот видишь... Надеюсь, нанося роковой удар, твоя рука не дрогнет!

Урсула покачала головой. Рядом с ней стоял Данбар. Она спряталась за него и вцепилась ему в руку:

– Фрэнк, скажи что-нибудь. Я уже не знаю, что ему отвечать...

Журналист выглядел очень смущенным: дама буквально бросилась в его объятия. Но, встретив взгляд Пирсона, он взял себя в руки:

– Существует ведь очень простой выход.

– Откуда выход?

– Из положения – чтобы не дать ей... чтобы вас не...

– Чтобы спасти мне жизнь? – саркастически перебил его Пирсон. – Вы ведь это хотите сказать?

– Ну да! Ей нужно просто немедленно уехать отсюда.

– Право, отличная мысль, мистер Данбар! Но вы не учли нашего друга Мерлина.

Джосая Халлахан, не стирая с лица улыбки, недоуменно нахмурил брови:

– Вы говорите обо мне?

– Разумеется. Здесь только один Мерлин.

– Я не дам этой прелестной особе уехать с острова?

– Нет, не сами вы – та фея, в которую вы, любезный Мерлин, влюблены: фея Вивиана. Помните: чтобы удержать влюбленного волшебника у себя в плену, она очертила вокруг вас невидимый круг.

– И невидимый круг оставит нас в плену здесь, – зычно произнес Гэйл Блейк. – Просто прекрасно, Пирсон! Еще немного поэзии в вашей прозе. Правда, эта старая легенда уж слишком известна... Но скажите: круг подействует прямо сейчас?

Пирсон склонил голову:

– Нет, не думаю... по крайней мере еще не сейчас... Но очень скоро!

– Верно ли, что нас не выпустит ваш привратник?

Джерри Пирсон как будто даже обиделся:

– Питер? Помешает вам уехать? Господи, конечно нет! Он здесь совсем не для этого! К тому же он далеко не круглый и тем более не невидимый. А я говорил именно о невидимом круге – настоящем невидимом круге феи Вивианы.

Речи Пирсона казались настолько бессмысленными, что растерянные гости не знали, как на них ответить. Дождь пошел сильнее, но этого как будто никто не заметил.

Мэйдж, как и Урсула, крепко вцепилась в локоть своего спутника. Чем дальше, тем живее и сильнее она ощущала прежние страхи. Логика решительно опровергала ту ерунду, которую нес дядя Джерри, но предчувствие

подсказывало: все, о чем он сейчас говорил, сбудется. То же предчувствие подсказывало ей, что надо схватить за руку Билла и бегом бежать с этого острова. Но она не хотела потерять лицо!

– Ладно! – раздался вдруг громовой голос Блейка. – А не вернуться ли нам? Сейчас все промокнем!

– Да, пойдемте, – согласился Пирсон. – Только еще одно дело. – Он засунул руку в карман, достал перочинный ножик и открыл маленькое лезвие с тупым концом. – Я бы хотел, чтобы кто-нибудь из вас пометил этим лезвием рукоять меча, чтобы его потом можно было точно опознать.

Блейк охотно согласился, хотя и заметил, что все это ребяческие причуды. То же сделали его друг Халлахан и Билл, который шепнул на ухо Мэйдж, что узнает свою метку из тысячи. Потом Пирсон предложил всем мужчинам убедиться, что никакая человеческая сила не способна вытащить меч из скалы. Блейк, Билл, Данбар и Халлахан попробовали по очереди без малейшего успеха. Урсула тоже хотела попытаться: король Артур, заметила она, когда совершил свой подвиг, был физически гораздо слабее других рыцарей. Но подходя к камню, она, подобно шляпке Мэйдж, чуть не свалилась в бездну. И снова спасла молниеносная реакция Билла. Он кинулся к женщине, зашатавшейся на краю утеса, схватил за руку и резко потянул к себе. Бледная, дрожащая Урсула прижалась к нему, как испуганный птеник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/al-ter_pol/nevidimyy-krug

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)